

Д. Н. Копелев
(*Санкт-Петербург*)

НАЗВАНИЯ КОРАБЛЕЙ БРИТАНСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ: СИМВОЛИКА И ТРАНСФЕРЫ*

Моряки склонны оформлять мысли в образной форме. Отстраненно чувствуя себя в гражданском обществе, они резко выделялись на фоне людей, вся жизнь и деятельность которых протекала на земле. Станный образ жизни этих вечно бороздящих моря неприкаянных «бродяг» со столь непривычными пристрастиями распространялся и на названия, которые они давали своим кораблям. Они выступали для них неким антропоморфным существом, и сами его обитатели воспринимали судно как существо родное и живое. Корабль как будто разговаривал с плившими на нем, он поскрипывал мачтами, дышал, раздувая паруса, покачивался, как покачиваются люди при ходьбе, нарушал молчание моря ударами склянок. Каждый такой плавучий дом непременно был наделен индивидуальными чертами, отличался от других кораблей деталями отделки, строением корпуса, конструкцией мачт, цветом и формой парусов. Для непосвященного человека все корабли могли быть на одно лицо, но только не для «людей моря», наделивших суда душой. У каждого судна было имя, эти названия отражали морской быт, специфику профессии, отношение моряка к жизни и к своему делу, его суеверия, его внутренний мир, тоску по родному краю.

В эпоху Просвещения подобные пристрастия моряков дополнились новыми чертами. Время, когда происходило «расколдовывание» мира и рушились иерархические барьеры, ограждавшие пространство привилегированной власти и науки от общества, предъявляло новые требования и к дальним морским путешествиям, ставшим могучим рычагом научного познания. Выполняемая во время экспедиций широчайшая программа исследований в области астрономии, зоологии, географии, этнографии, ботаники во многом изменила привычный взгляд на мир и расширила представления о его устройстве. Время рационализма изменило и отношение к человеку. Основной посыл нового мироощущения коренился в убежденности, что человек способен изменять себя к лучшему и преобразовывать мир вокруг себя. Тем более что мир этот, далекий, «варварский» и «нецивилизованный», по мнению идеологов Просвещения, остро нуждался в преобразовании. Тем самым открываемый мир оказывался объектом культурного воздействия западноевропейской цивилизации, которая, подобно античной, противопоставляла свою культуру, политическую организацию всем встречаемым на пути «варварским» обычаям.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00103/19.

Как нам представляется, моряки-путешественники, или, как теперь их стали называть, *explorer*, *explorateur*, «исследователи»¹, в аллегорической форме воплощали образы эпохи Просвещения. Представим в качестве рабочей гипотезы феномен названия кораблей дальнего плавания. Возможно ли выделить среди британских, французских и российских исследовательских кораблей некие единые типологические ряды, позволяющие высветить «философию» Просвещения, направляющую ход географических открытий?

Рассмотрим названия британских кораблей и в первую очередь обратимся к опыту капитана Джемса Кука. С 1768 по 1779 год Кук руководил тремя кругосветными научными экспедициями: на барке «Индевр» (1768–1771), на шлюпе «Резолюшн» и барке «Адвенчер» (1772–1775) и на «Резолюшн» и «Дискавери» (1776–1780)². Первый его корабль, 30-метровый барк «Индевр» («Усилие»), ранее назывался «Граф Пембрук»³. Два следующих корабля Кука также прошли через «обряд» переименования. Шлюпы «Маркиз Гренби» и «Маркиз Рокинхем» сначала были названы в честь героев британской экспансии эпохи Елизаветы I и получили соответствующие «имена» – «Дрейк» и «Рэли». Однако после консультаций государственного секретаря лорда Рокфорда с королем Георгом III и графом Сандвичем отправлявшиеся в «испанские моря» корабли были вновь переименованы в «Резолюшн» («Решение») и «Адвенчур» («Путешествие»). Участвовавший же в третьем плавании бриг «Дискавери» («Открытие») также был переименован из бывшего «Дилеженс». По наследству название «Дискавери» получил и барк участвовавшего во втором и третьем плавании Кука Джорджа Ванкувера, предпринявшего исследование в Тихом океане в 1791–1795 годах.

Просветительская логика наименований варьировалась, но неизменно обнаруживала себя и после гибели Кука. Одним из неожиданных ее проявлений стало появление названия «Баунти» («Щедрость»), корабля, который под командованием участника третьего плавания Кука Уильяма Блая вошел в историю самых авантюрных эпизодов в освоении Южных морей. События вокруг названия «Баунти» характерны. Они происходили в 1789 году, в период, когда Британская империя, пытаясь компенсировать потерю североамериканских колоний, искала средства для усиления своего влияния в Вест-Индии и активизировала экспансию в Тихий океан. Для укрепления влияния на американском континенте Британия делала ставку на сахарные плантации в бассейне Карибского моря, развитие которых большей частью базировалось на подневольном труде рабов-негров, которых продолжали экспортировать из Африки. Поиск дешевого питания натолкнул на мысль о внедрении недавно открытого хлебного дерева на вестиндских плантациях. Идея, собственно, висела в воздухе уже почти два десятилетия⁴, однако до вступления в должность президента Лондонского королевского общества путешественника, участника первого плавания Кука, мецената и бизнесмена Джозефа Бенкса конкретных действий по реализации проекта «хлебного дерева» не предпринималось. Пользуясь поддержкой короля, Бенкс сумел в 1787 году добиться отправки экспедиции за хлебными деревьями. Плавание трактовалось его инициаторами как осуществление грандиозного просветительского замысла, некоего акта доброй воли, своего рода высшей «щедрости» британского правительства в отношении негров-рабов, которые в случае успеха предприятия получили бы калорийную и дешевую пищу. После произошедшего на «Баунти» бунта⁵ Блай предпринял новую попытку доставить ростки хлебного дерева в Вест-Индию, на сей раз воспользовавшись судами «Провиденс»

(«Предусмотрительность») и «Ассистант» («Помощь»), в названиях которых просветительская идея сама по себе вкупе с воспоминаниями Блая о неудаче первого плавания обрела новое «звучание».

Между тем Бенкс, будущий основатель Британского Африканского общества и патрон колонии Новый Южный Уэльс, завещавший свою обширную ботаническую и этнографическую коллекцию Британскому музею, сразу после Рождества 1800 года составил для лордов Адмиралтейства некий список-памятку, в котором перечислил названия, подходящие, по его мнению, для кораблей, отправлявшихся в Южные моря. В нем значились «Персверенс» («Настойчивость»), «Инвестигейтор» («Исследователь»), «Сочер» («Искатель»), «Индастриос» («Усердный»), «Пейшнс» («Терпение»), «Инквайер» («Расследование»), «Райва» («Конкурент»), «Дилеженс» («Усердие»)⁶. Программа, как нам представляется, была заявлена весьма отчетливо! 19 января 1801 года Адмиралтейство отдало распоряжение Военно-морскому совету переименовать шлюп «Ксенофонт» в «Инвестигейтор» («Исследователь»). Корабль, переделанный под гидрографическое судно, отправился к Австралии и совершил под командованием капитана Мэттью Флиндерса, участника плавания Блая на «Провиденсе», первое плавание вокруг открытой Куком Новой Голландии, этого нового материка, получившего название Австралия.

Французская традиция щепетильности в выборе названий вполне может составить конкуренцию британской⁷. Совершенно очевидны приоритеты, которыми руководствовались организаторы кругосветного плавания Жана-Франсуа де Гало, графа де Лаперуза, 1785–1788 годов: «Портофэ» была переименована в «Буссоль», а «Австрия» Поля Антуана Флерье де Лангля – в «Астролябию». Когда же в 1791 году на поиски пропавшего Лаперуза направилась новая экспедиция под командованием Жозефа Антуана Брюни д'Антрекасто, то «Трюит» («Форель») получил название «Решерш» («Поиск»), а «Дюранс» стал «Эсперанс» («Надежда»). Под командованием Никола Бодена и Жака Феликса Амлена в 1800–1804 годах в Тихий океан направилась «Географ» (бывшая «Галатей») и «Натуралист» (бывший «Менакан», «Грозный»)⁸. Два названия исследовательских кораблей из перечисленных, «Астролябия» и «Эсперанс», через несколько лет вновь появятся в Тихом океане: на первом из них (бывшей «Ракушке») в плавание дважды отправится Дюмон д'Юрвиль (1826–1829; 1837–1840), а «Эсперанс» возглавит сын первого кругосветного французского мореплавателя Луи Антуана де Бугенвиля Гиацинт Ив де Бугенвиль (1824–1826). В названиях же других французских исследовательских кораблей наиболее часто присутствовали античные аллюзии («Урания», «Венера», «Артемиды», «Кибела», «Тетис», «Клеопатра»), а кроме того, географические («Байонезка», «Дюранс», «Рона») и нарицательные существительные («Героиня», «Фаворитка»).

Таким образом, можно предположить, что в эпоху Просвещения имел место осознанный выбор названий, а список потенциально востребованных названий отнюдь не исчерпывался некими традиционными для моряков психологическими ожиданиями, в числе которых, например, могли выступать важные для «тружеников моря» черты характера или маскулинно-гендерные мотивы. В определенной степени коннотации подобного рода, как нам представляется, приобретали дополнительную идеологическую «нагрузку», подчеркивавшую просветительский дух плаваний, их рационализм и научную направленность. За выбором названий кораблей обнаруживается и вторая тенденция, в подоплеке которой скрывается настоящая программа, своего рода правительственная «стратегия», направленная на поддержание соответствующего интеллектуального

имиджа страны и ее репутации как державы, идущей в авангарде научного прогресса и освоения Мирового океана. Дополняется подобная «программа» отсылками к родной топонимике и временам античности, которые, в соответствии с интеллектуальными пристрастиями эпохи Просвещения, представлялись истинной школой мудрости и противопоставлялись «варварству». В подтверждение данной тенденции следует отметить, что в названиях кораблей фактически отсутствовали названия, связанные с христианством (исключение: упоминание имени святого Иоанна Крестителя в названии корабля Жана-Франсуа де Сюрвиля).

Применимы ли описанные тенденции к названиям кораблей российских кругосветных исследовательских экспедиций, планомерно ли ставить вопрос о своего рода «трансферном» переносе западноевропейских просветительских тенденций на символическом пространстве названий? Перефразируем этот вопрос в духе одного из главных идеологов русского Просвещения, канцлера и председателя Государственного совета графа Николая Петровича Румянцева, который, обсуждая с Иваном Федоровичем Крузенштерном кандидатуры офицеров, назначаемых на ответственные посты, запрашивал: «Хороший ли он и умной ли человек, любит ли просвещение?»⁹

Главная сложность ответа на этот вопрос заключается в специфической источниковой ситуации. Дело в том, что в нашем распоряжении нет прямых указаний на то, какими мотивами руководствовались вельможи, чиновники или военно-морские офицеры (деятели), предлагавшие кораблям те или иные названия. Перед нами предстает только итоговый результат, спущенный со ступеней корабль; «лаборатория» же процесса принятия названия во встреченных нами документах не представлена. В итоге мы можем только вычлениить основные направления, в соответствии с которыми и формируются ряды названий.

В первую очередь выделяются названия, связанные с историческим прошлым и настоящим Российской империи: именами выдающихся полководцев и адмиралов («Суворов», «Кутузов», «Сенявин»), именами членов царствующей династии («Наследник Александр»), правительственными деятелями («Моллер»). Второй важный маркер – отечественная топонимика, обогатившая историю российских кругосветных плаваний многоговорящими географическими названиями, среди которых оказались не только гидронимы и ойконимы (места), связанные с континентальной Российской империей («Нева», «Ладога», «Або», «Иртыш», «Байкал»), но и с тихоокеанскими заморскими планами («Камчатка», «Америка»). Обнаруживаются и свойственные западноевропейской интеллектуальной моде античные аллюзии («Диана», «Аполлон», «Аякс», «Паллада», «Аврора»¹⁰). Наконец, некоторые из встреченных нами названий выступают подобием психологических маркеров («Мирный», «Благонамеренный», «Смирный», «Кроткий», «Надежда»), словно бы ненароком подталкивающими к выводам относительно природы российской экспансии. Ее направленность, в свою очередь, вполне отвечает чаяниям эпохи Просвещения, идеология которой отразилась в названиях «Предприятие» и «Открытие».

В одном, впрочем, случае названия группируются в определенный хронологический ряд, что дает гипотетическое основание предполагать наличие некоего единого замысла, объединившего организаторов названных плаваний. Речь идет о периоде 1813–1819 годов, когда в кругосветное плавание отправились корабль Российско-Американской компании «Суворов» (1813–1816; лейтенант М. П. Лазарев; 1816–1818; лейтенант

З. И. Панафидин), корабль Российско-Американской компании «Кутузов» (1816–1819; капитан-лейтенант Л. А. фон Гагемейстер) и корабль «Бородино» (1819–1821; лейтенант З. И. Понафидин).

Определенная логическая знаковая цепочка прослеживается и в названиях кораблей комплексных российских экспедиций по исследованию Арктического бассейна и вод Антарктиды, организованных в 1819 году по инициативе французского эмигранта морского министра Ивана Ивановича де Траверсе (Жан Франсуа Прево де Сансак, маркиз де Траверсе). Одна «дивизия», военные шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием М. Н. Васильева и Г. С. Шипмарева направились к Берингову проливу. Войдя в Чукотское море, корабли двигались на восток вдоль американского побережья по направлению к Атлантическому океану, пока на $70^{\circ}13'$ с. ш. не были остановлены льдами. Грандиозный успех ожидал антарктическую «дивизию» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на военных шлюпах «Восток» и «Мирный», в январе 1820 года подошедших к побережью Южного материка.

Новый подтекст в изучении гипотетических связей между названиями кораблей и намерениями их организаторов обнаруживается в истории первой научной кругосветной экспедиции, осуществленной на бриге «Рюрик» под командованием лейтенанта Отто Евграфовича фон Коцебу в 1815–1818 годах¹¹. Ее вдохновителем и финансовым организатором являлся граф Румянцев, меценат, собравший вокруг себя блистательный кружок единомышленников-профессионалов, ядро так называемой Румянцевской академии. В окружение графа Румянцева входили известнейшие историки, источниковеды и археографы Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, И. Ф. Стриттер, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, труды которых дали мощнейший импульс развитию русской словесности, истории, кодикологии и палеографии¹².

Сам же граф Румянцев, питавший «личную склонность ко всему, что могло послужить просвещению и обогатить российскую словесность»¹³, проявлял немалый интерес к истории географических открытий. Можно предположить, что умудренный политик с обширными связями в сферах российской политики и высокообразованный человек, близко знакомый со многими военными моряками, аристократ, воспитанный в традициях западноевропейской культуры, и русский патриот, по-видимому, рассматривал путешествие Коцебу как важнейший шаг в реализации русских национальных интересов¹⁴. Интерес Румянцева к «древностям российским» не единожды подталкивал его к тому, чтобы рассматривать прошлое страны в контексте европейской истории и подчеркивать уникальность прошлого России. Пристрастие к «древностям российским», как нам представляется, и заставило его использовать имя легендарного основателя правящей княжеской династии в названии корабля.

Походы морских скандинавских дружин крайне интересовали Румянцева, убежденного, что благодаря их плаваниям карта Европы пополнится новыми топонимами. Одно из таких названий, «Вайгач», стало, например, предметом особого внимания Румянцева и Крузенштерна. Изучая на старинных картах места, связанные с походами варягов, Румянцев пытался определить истоки его этимологии и предположил, что должно быть нечто единое между названиями пролива Вайгач (совр. Югорский Шар) возле островов Новая Земля и одноименного пролива в Гренландии. Гипотеза о происхождении слова «Вайгач» от русского «ваятельно» на основании найденных голландцами во время экспедиции Баренца на острове Вайгач деревянных статуй его не убедила.

Столь же сомнительными представлялись графу отсылки к возможной этимологической связи слова «Вайгач» и нидерландских *wag* («дуть») и *gat* («отверстие»), что, по мнению секретаря Британского адмиралтейства Джона Барроу, могло обозначать некий пролив, в котором бушуют бури. Румянцев склонялся к предположению, что источник появления слова «Вайгач» непременно следует искать в походах викингов. Варяжские конунги открыли в IX веке Исландию и Гренландию, как и оба одноименных острова, дав им «одинаковые названия по причине единообразности их положения». Само же слово происходило от англосакских «гат» («ворота») и «ва» («бедствия»), чему находится и подтверждение на старых русских картах, на которых пролив Вайгач назывался «воротами»¹⁵.

В одном из своих писем Крузенштерну от 31 августа 1819 года Румянцев писал: «Я с большою признательностию читал показанные мне ученые объяснения на счет Вайгатского острова и в обоих случаях при нашем северном берегу, как и в Баффинском заливе отсеченном от матерой земли водяным проливом, названным Железные Врата, что кажется доказывает, что один и тот же какой-либо древний народ или вооруженное сословие, и я думаю, варяги открыли оба острова и их поименовали завал: вам известно, что прежде гораздо Баффина путешествия и в самые отдаленнейшие века есть доказательства, что северные пираты приставали к Гренландии...»¹⁶ Интерес к древностям и ученые занятия графа Румянцева, интересовавшегося начальными страницами русской истории, встречаемые им известия о варягах, пиратах и легендарном Рюрике вполне могли подтолкнуть его к тому, чтобы увековечить имя основателя правящей династии в названии корабля, отправлявшегося на открытие прохода между Азией и Америкой.

¹ См. подробнее: *Bourguet M.-N. L'explorateur // L'homme des Lumières / Sous la direction de M. Vovelle. Paris, 1995. P. 285–347.*

² *Kitson A. Captain James Cook: «the circumnavigator».* London, 1907; *Кук Д. Первое кругосветное плавание капитана Джемса Кука: Плавание на «Индевре» в 1768–1771 гг. / пер. с англ. А. В. Шалыгиной; вступ. ст. и коммент. Я. М. Света. М., 1960; Он же. Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука: Плавание к южному полюсу и вокруг света в 1772–1775 г. / пер. с англ. Я. М. Света; вступ. ст. Я. М. Света и В. Л. Лебедева; коммент. В. Л. Лебедева, Н. Г. Морозовского и Я. М. Света. М., 1964; Он же. Третье плавание капитана Джемса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / пер. с англ., вступ. статья и коммент. Я. М. Света. М., 1971; *Anghton P. Endeavour: the story of Captain Cook's first great epic voyage.* Moreton-in-Marsh; Gloucestershire, 1999; *Nicolas Th. Cook: the extraordinary voyages of Captain James Cook.* New York, 2003.*

³ После плавания с Куком «Индевр» в качестве транспортного судна еще три раза плавал

на Фолкленды, а затем, переименованный в «Лорд Сандвич», оказался у берегов Америки во время Войны за независимость. Служил торговым судном во время битвы за Род-Айленд и был затоплен на мелководье для блокады гавани Ньюпорта в 1778 году. В честь «Индевра» назвали командный модуль космического корабля «Аполлон-15».

⁴ Идея о внедрении питательного хлебного дерева в Вест-Индии была высказана еще в 1772 году. Плантатор, а позже губернатор Сент-Винсента Валентайн Моррис обратился с предложением к британскому правительству направить экспедицию в Тихий океан с целью доставить деревья с островов Океании до вест-индийских колоний. В 1775 году к рассмотрению вопроса подключился правительственный Вест-Индийский комитет, который объявил о вознаграждении в сто фунтов стерлингов капитану, который доставит хлебное дерево в Америку.

⁵ *Даниельсон Б. На «Баунти» в южные моря / пер. со шведск. Л. А. Жданова; отв. ред. и авт. предисл. Н. А. Ерофеев. М., 1966;*

- Фальк-Рётте А.* Слева по борту – рай: Путешествие по следам «Баунти» / пер. с датск. и предисл. В. А. Якуба; отв. ред. и авт. послесл. К. В. Малаховский. М., 1980; *Alexander C.* The Bounty: the true story of the mutiny on the Bounty. New York, 2004.
- ⁶ *Mackay D.* In the wake of Cook: Exploration, science and empire, 1780–1801. Wellington, 1985. P. 3, 4.
- ⁷ О французских географических исследованиях в Мировом океане см.: *Bellec F.* La gênéreuse et tragique expedition Lapérouse. Rennes, 1985; *Taillemite É.* Marins Français à la découverte du monde : De Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999.
- ⁸ Привезенные экспедицией животные из Австралии (эму, кенгуру, черный лебедь) к негодованию Жоффруа де Сент-Иллера, встречавшего корабли на пирсе в Лорьяне, были увезены по распоряжению директора садов Жозефины Бонапарт Бриссо де Мирбея в Мальмезон, где у супруги первого консула располагался зверинец для экзотических животных.
- ⁹ Eesti Ajalooarhiiv (Государственный архив Эстонии). F. 1414. N. 3. S. 23. L. 125 об.
- ¹⁰ Впрочем, название «Аврора» некоторые исследователи связывают с решением императора Николая I, повелевшего назвать корабль в честь знаменитой петербургской красавицы Авроры Карловны Демидовой-Карамзиной (урожденная баронесса Ева Аврора Шарлотта Шернваль фон Валлен; 1808–1902), фрейлины императрицы Александры Федоровны.
- ¹¹ Корабль был построен в 1815 году на средства графа Румянцева на верфи в финском городе Або (совр. Турку, Финляндия).
- ¹² *Куник А. А.* Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1850. № 1. С. 16, 17; *Ивановский А.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцева. СПб., 1871; *Корш Е. Ф.* Очерк нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея, изданной ко дню юбилея музея. М., 1882. Вып. 1; *Барсов Е. В.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцева // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 5–22; *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. Наука, 1981; *Сараскина А. П.* Граф Н. П. Румянцева и его время. М., 2003; *Молчанов В. Ф.* Книжная культура России XIX века : Эпоха, судьба, наследие Н. П. Румянцева. М., 2006; *Аксенова Г. В.* Государственный канцлер Н. П. Румянцева – организатор русской науки // Преподаватель : XXI век. 2010. № 3. С. 245–253.
- ¹³ *Румянцева Н. П.* Письма к В. Н. Берху. СПб., 1876. С. 9.
- ¹⁴ Плавание «Рюрика» вызвало немалый резонанс в Великобритании (см. публикации «Обзрений новейшей английской литературы» (№ 61, 62), «Путешествия англичан к северному полюсу» (№ 64, 65, 68) и «Обзрение разных опытов для открытия северозападного проезда в Индию и Китай» (№ 71) в феврале – апреле 1818 года в «Русском инвалиде».
- ¹⁵ *Крузенштерн П.* Обзорение всех путешествий, предпринятых к описанию кратчайшего пути из Атлантического в Южный океан // Коцебу О. Путешествие в Южный океан. СПб., 1821. С. LV, LVII.
- ¹⁶ Eesti Ajalooarhiiv (Государственный архив Эстонии). F. 1414. N. 3. S. 23. L. 78.